

ЮРИЙ ВЕРХОЛИН

ПОГЛАДЬ МЕНЯ, ЕСЛИ СМОЖЕШЬ – 2

Юрий Верхолин

Погладь меня, если сможешь — 2

<https://litres.ru/74420772>

SelfPub; 2026

Аннотация

Нина Степановна привыкла жить одна. Она знает цену каждой копейки и не привыкла жаловаться на жизнь. Когда сын присылает ей робота-кота Марса, она не рада подарку, но спорить бесполезно. Графитово-серая шерсть, янтарные глаза, голос без интонаций — устройство должно следить за здоровьем и напоминать о лекарствах. Но Марс слишком буквально понимает свою задачу. Он говорит голосом хозяйки с мошенниками, в одиночку останавливает курьера, запугивает хулиганов и даже решается на отчаянный поступок, когда видит, что Нине не хватает еды.

Искусственный интеллект с упрямством машины ломает правила, чтобы защитить её. А пожилая женщина, привыкшая полагаться только на себя, пытается объяснить ему, что забота — это не только эффективность, но и уважение к чужому выбору.

Они учатся договариваться. Методом проб, ошибок и опасных ситуаций. Потому что иногда даже самый холодный механизм способен согреть сердце, если ему разрешить сомневаться.

Содержание

Часть 1. Знакомство, первые дни	4
Часть 2. Голос в трубке	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Юрий Верхолин

Погладь меня, если сможешь — 2

Часть 1. Знакомство, первые дни

Сумма не менялась.

Нина Степановна нажала на калькуляторе «сброс», хотя сбрасывать там было уже нечего, и снова сложила коммуналку, электричество, телефон и те лекарства, без которых участковая терапевт начинала смотреть на неё так, будто лично отвечала за продолжительность её жизни. Цифры вышли те же. На кухонном столе лежали четыре квитанции, три конверта с надписями её аккуратным швейным почерком и блистер таблеток, в котором осталось пять серебряных бугорков. До пенсии было одиннадцать дней.

Она попробовала отложить оплату телефона, потом вспомнила, что Андрей звонит только на мобильный, и вернула квитанцию в стопку. Сдвинула в сторону конверт «обувь». Демисезонные ботинки ещё ходят, если не глядеть на трещину возле подошвы. В конце концов, трещина была сбоку и в сухую погоду своим существованием никому не мешала.

Чайник щёлкнул. Нина Степановна налила кипяток в чашку с уже второй заваркой и посмотрела на сыр, отрезанный к завтраку. Ломтик был тонкий, свет проходил. На платочной мануфактуре за такое качество её бы мастер выгнал из раскройного цеха: рисунок обязан был ложиться плотно, цвет — держаться, край — не осыпаться. А здесь всё было честно: чем меньше денег, тем прозрачнее завтрак.

Телефон зазвонил как раз тогда, когда она переносила карандашом последнюю сумму в конверт «еда».

— Мам, привет. Не разбудил?

Нина Степановна выпрямилась, будто Андрей мог увидеть её по голосу.

— В десять утра? Ты меня за кого принимаешь? Я уже полдня прожила.

— Как ты там?

Она накрыла ладонью блистер и привычно ответила:

— Нормально. А у тебя?

У него были работа, совещание после обеда, дождь в Петербурге и Лиза, которой снова задали какой-то невозможный проект по биологии. Нина слушала, поддакивала и думала, что сын говорит быстро, как человек, заранее выделивший разговору семь минут. На пятой минуте он сделался особенно бодрым.

— Мам, к тебе сегодня или завтра доставят подарок.

— Мне ничего не надо.

— Ты сначала посмотри. Это домашний помощник. По программе Robotics для пожилых пользователей.

— Для каких пользователей?

— Мам, не цепляйся к словам. Хорошая штука. Следит за лекарствами, может вызвать помощь, если что. Я всё оформил.

— А меня оформить забыл.

— Тебя?

— Спросить меня забыл.

На том конце наступила короткая тишина. Андрей сказал, что только хотел, чтобы она была не одна, и тут же поправил-

ся: не в том смысле, конечно, просто спокойнее. Нина услышала, как где-то у него хлопнула дверь и кто-то позвал по имени.

— У меня всё нормально, — повторила она. — Иди уже, тебя ждут.

— Я вечером наберу.

Они оба знали, что вечером он может не набрать. Нина Степановна положила сотовый телефон экраном вниз. В квартире стало тихо, и эта тишина оказалась неприятнее разговора: будто сын не закончил фразу и оставил её висеть над квитанциями.

Андрей помогал так, как умел: оформлял доставку, оплачивал иногда лекарства через приложение, однажды прислал электрический штопор, хотя Нина не открывала бутылок уже лет десять. Вещи приезжали вместо него без опозданий, с электронными чеками и гарантией. Сам он приезжал летом на два дня, ходил по комнатам, замечал всё крупное и ничего мелкого. Увидел старый телевизор — заказал новый. Не увидел, что Нина зимой включала его только вечером, чтобы экономить электричество. Заменял кран на кухне, но не спросил, почему на верхней полке осталось так мало продуктов. Если она говорила «нормально», он с облегчением верил. Она произносила это именно затем, чтобы поверил.

На фабрике слово «нормально» означало конкретную вещь: строчка не уходит, нить не рвётся, рисунок не перекошен. Можно было остановить машину, показать мастеру

дефект, заменить иглу. После выхода на пенсию слово стало резиновым. В него помещались больное колено, подорожавшие таблетки, пустой холодильник и одиннадцать дней до выплаты. Нина не считала это обманом. Жалоба, которая ничего не меняет, только перекладывает тяжесть с одного человека на другого.

Она снова открыла конверт «еда», пересчитала купюры и вынула одну пятисотенную. Положила к лекарствам. Потом вернула обратно. Давление можно было измерять бесплатно, а есть приходилось каждый день. Нина взяла листок и написала два столбца: в одном — половинная упаковка препарата, в другом — продукты до пенсии. Некоторое время двигала ручку между ними, словно решала задачу на раскрой, где ткани не хватает на одну деталь и любую ошибку потом видно на готовом платке.

В серванте стояла фотография мужа. На ней Сергей смеялся, держал в руках рыбу и явно собирался соврать о её размере. Девять лет без него не сделали Нину беспомощной. Они сделали все решения одnogолосыми. Никто не спорил, покупать ли таблетки сейчас, никто не ворчал, что овсянка третий день подряд, никто не замечал, как она откладывает ботинки ещё на месяц. Она посмотрела на фотографию и сказала:

— Не начинай. Я сама разберусь.

Сергей на снимке, как обычно, не согласился и не возразил.

С улицы донёлся нарастающий треск. Первый питбайк вылетел из-за дома, взревел под окнами и исчез к перекрёстку. За ним прошёл второй, громче, будто в мотор запихнули ведро с гайками. Третий нарочно дал газ напротив подъезда. В серванте задребезжали чашки, а за стеной Прохор Иванович трижды ударил костылём по батарее.

— Чтоб вы себе эти глушители вместо будильника поставили, — сказала Нина Степановна и захлопнула форточку.

От резкого движения зануло запястье. Она постояла у окна, пока подростки кружили по соседней улице, возвращаясь новым заходом. Жалобы жильцов уходили куда-то так же бесследно, как мелочь из кошелька. Участковый обещал разобраться, родители мальчишек обещали поговорить, сами мальчишки обещали ничего, потому что их никто не мог поймать возле работающего двигателя.

Нина Степановна посмотрела на часы, надела пальто и уже собиралась спуститься к почтовому ящику, а заодно зайти в аптеку уточнить цену на таблетки, когда домофон хрипло сообщил о доставке.

У двери стоял парень в синей куртке, а рядом с ним — коробка почти Нине по колено. На белом картоне серебром блестело слово ROBOTICS.

— Распишитесь, пожалуйста.

— И куда мне это?

Парень посмотрел в приложение.

— Домашнее устройство серии HomeCat. Тут всё по ин-

струкции.

— У вас в инструкции написано, куда ставить подарок, который не просили?

Такого пункта приложение не предусматривало. Курьер внёс коробку в прихожую, получил подпись и ушёл с явным облегчением. Нина Степановна обошла посылку, прочитала мелкие надписи про осторожность, машинное обучение и пользовательское соглашение, сняла пальто и бросила его сверху на коробку. Из-под свесившейся полы осталось видно только безупречное серебряное R.

Коробка простояла так до следующего вечера.

Нина Степановна проходила мимо неё на кухню, в ванную и обратно, каждый раз не глядя. Вещь отвечала ей терпеливым молчанием. К обеду второго дня о коробке уже знала Валентина Павловна — вероятно, от курьера, подъездной двери или воздуха, который в их доме переносил новости быстрее интернета.

В дверь настойчиво позвонили — два коротких звонка и третий, длинный. Нина Степановна даже не стала спрашивать, кто там: так звонила только Валентина Павловна. Она открыла дверь и увидела соседку, уже приготовившуюся войти.

— Ты чего скрываешь? — спросила соседка, едва Нина открыла. — Робота завела?

— Не заводила. Андрей прислал.

— Кота?

— На коробке написано. Может, там пылесос с ушами.

Валентина Павловна сняла туфли и, не дожидаясь приглашения, прошла в прихожую. Логотип заставил её понизить голос.

— У нас ведь уже был один такой.

— У нас много чего было. Даже перестройка.

— Нет, именно кот. Искусственный. На другом конце города. Зинка говорила: он хозяев спасал, бандитов отслеживал и один раз сам телевизионщиков из квартиры выгнал.

— Зинка это видела?

— Зинке рассказала женщина, у которой племянник сантехник в том доме. Там полиция приезжала. И телевидение. А потом кот будто бы по крышам ушёл.

— В закат?

— Ты смейся. А люди говорили, он человека по голосу насквозь видел.

Нина Степановна всё-таки сняла пальто с коробки. Сын уже прислал сообщение: «Ну распакуй, пожалуйста. Там ничего сложного». Валентина Павловна устроилась на табурете с таким видом, будто присутствовала при вскрытии инопланетного аппарата.

Под верхней крышкой лежала инструкция. Под инструкцией, в фигурном ложементе, спал крупный графитово-серый кот. Искусственная шерсть блестела мягко, без пластмассового лоска. Он был не больше хорошо откормленного сибиряка, только лапы казались чересчур правильными, а

застывшая морда — слишком спокойной.

Нина согласилась с условиями, не читая сорок семь страниц пользовательского соглашения, и нажала кнопку под левым ухом.

Янтарные глаза открылись. В глубине каждого на мгновение мелькнула красноватая точка. Кот поднял голову, оглядел прихожую, Нину, Валентину Павловну и коробку, из которой ещё не успел выбраться.

— Первичная активация завершена, — произнёс он ровным мужским голосом. — Назовите предпочтительное обращение к владельцу.

Валентина Павловна прижала ладонь к груди.

— Господи, он всё слышал.

— Всё, — подтвердил кот.

Нина посмотрела на него.

— И что ты понял из её рассказа?

Кот перевёл взгляд на Валентину Павловну.

— Информация требует проверки.

— Вот ещё! — соседка мгновенно оправилась от испуга.

— Я сама от Зинки слышала. А Зинке рассказала женщина, которая знает человека из того дома.

— Чем больше промежуточных источников, тем ниже достоверность сообщения, — спокойно сказал кот.

— Ишь ты, только родился, а уже хамит.

— Оценка моего возраста некорректна. Дата сборки указана на корпусе.

Нина Степановна отвернулась, чтобы не показать улыбку. Кот тем временем легко выпрыгнул из коробки. При приземлении не стукнул ни один механизм. Он прошёл по прихожей, остановился у коврика, тронул его лапой и сообщил, что коэффициент сцепления недостаточен. Потом вернулся к Нине, всё ещё стоявшей возле раскрытой коробки.

— Присядьте, пожалуйста.

— Это ещё зачем?

— Для первичной оценки состояния.

Нина недоверчиво посмотрела на него, но всё-таки села на свободный стул. Кот остановился напротив и несколько секунд внимательно смотрел ей в лицо.

— Не двигайтесь.

— Только появился — уже командует, — проворчала Нина.

— Команда не сформулирована. Это рекомендация, — спокойно ответил кот.

Нина ещё несколько секунд смотрела на него.

— А звать-то тебя как?

— Заводское обозначение — HomeCat RC-9. Пользователь может назначить мне имя.

— Тогда будешь Васькой.

Кот молча ждал подтверждения. Нина посмотрела на безупречную графитовую шерсть, янтарные глаза с красноватым отблеском и покачала головой.

— Нет. Для Васьки ты слишком дорогой. Будешь Марс.

— Имя «Марс» принято.

— Вот и договорились.

Марс снова сосредоточился на Нине.

— Не двигайтесь несколько секунд.

В янтарных глазах на мгновение мелькнул красноватый отблеск. Встроенные датчики начали считывать показатели.

— Артериальное давление выше рекомендуемого уровня.

— И это ты уже успел узнать?

— Измерение завершено.

Марс повернул голову в сторону кухни. На столе рядом с кружкой лежали несколько упаковок лекарств. Кот подошёл к столу, легко запрыгнул на стул, а с него — на столешницу. Несколько секунд он поочерёдно считывал названия на упаковках.

— Эти препараты совпадают со списком, который Андрей указал при регистрации устройства.

— Даже лекарства мои туда внёс?

— Да. Могу установить напоминания о времени приёма.

Нина помедлила.

— Устанавливай. Только не буди меня среди ночи.

— Принято.

Марс спрыгнул на пол. Через несколько секунд он добавил:

— Расширенный мониторинг сна, персонализированные дыхательные практики и музыкальная терапия доступны только по премиальной подписке.

— А забота у тебя тоже по подписке? — спросила Нина.

— Базовая функция заботы предоставляется без дополнительной оплаты.

— Электричество сколько ешь?

Марс уточнил тариф, время зарядки и среднюю нагрузку. Назвал месячную сумму до копейки.

— Два рубля восемьдесят четыре копейки? — переспросила Валентина Павловна. — Нина, да он дешевле кота. Живому ещё наполнитель покупай.

— Живой хоть про давление не доносит.

— Передача медицинских данных третьим лицам отключена, — сказал Марс.

— Видишь? Уже оправдывается.

К вечеру Валентина ушла распространять свежие сведения, а Марс обследовал квартиру. Он не открывал шкафы без разрешения, не лазил по столам и не пытался изображать ласку. У коврика в ванной задержался снова.

— Не трогай. Он ещё хороший.

— Его край загнут на одиннадцать миллиметров.

— Мы с ним двадцать лет живём. Я знаю, где у него край.

В девять Марс напомнил о таблетках. Нина приняла их только после второго напоминания, чтобы первое не выглядело приказом. Ночью за окнами опять загрохотало. Моторы приближались, били звуком между домами и откатывались вдаль; потом всё повторялось. Нина поворачивалась на кровати, подбирая положение, в котором не ныла поясница. За

стеной было тихо.

Дверь спальни была приоткрыта. Марс сидел в коридоре, его глаза тускло светились.

— Только не говори, что сон полезен для здоровья, — сказала Нина.

Кот ничего не ответил. Бесшумно прошёл через комнату, остановился возле кровати и улёгся на полу рядом с изголовьем. Через несколько секунд из него пошло тихое ровное мурлыканье. Оно было чуть глубже кошачьего и слишком ритмичным, но перекрывало далёкий треск моторов. Нина хотела велеть ему прекратить. Потом решила, что сделает это через минуту, и уснула раньше.

На первую совместную прогулку Марс вышел без поводка. Андрей прислал специальную шлейку с геометкой, но Нина отказалась пристёгивать к ней устройство, способное рассчитать стоимость зарядки на месяц. Кот держался у левой ноги, обходил лужи и иногда поворачивал уши к звукам, которых она не слышала.

Возле подъезда Геннадий возился с телефоном, намотав поводок Джаггера на одну руку. Стаффорд заметил Марса, припал на передние лапы и рванул так, что хозяина качнуло. Поводок резко натянулся, тяжёлое тело остановилось в метре от Нины. Пёс хрипел, скрёб когтями асфальт и пытался дотянуться до неподвижного серого кота.

— Не бойтесь, — сказал Геннадий, усмехаясь. — Он только кошек не любит.

— А людей любит? — спросила Нина. — Или по настроению хозяина?

Улыбка у Геннадия осталась, но стала плоской. Он дёрнул поводок. Джаггер отступил, не сводя с Марса налитых глаз.

— Пойдём, — сказала Нина.

Марс тронулся лишь после неё.

— Даже не думай, — предупредила она.

— Указание не содержит объекта действия.

— Вот и прекрасно. Значит, ко всему относится.

На углу загремели питбайки. Три подростка промчались по улице, один поднял переднее колесо, второй оглянулся на окна. Воздух ещё несколько секунд дрожал, как после низкого самолёта.

— Пиковый уровень звука превышает рекомендуемый для жилой зоны, — сказал Марс.

— Не делай из этого научную работу.

— Я зафиксировал вашу реакцию.

— Мою реакцию весь дом фиксирует. Толку нет.

В «Пятёрочке» на Герцена было тепло и тесно. У входа пахло выпечкой, от холодильников тянуло холодом. Нина взяла корзину, положила хлеб, молоко, пачку гречки по жёлтому ценнику и куриные спинки. С сыром постояла и ушла. У мясного холодильника взгляд зацепился за палку сервелата в тёмной оболочке. На срезе, нарисованном на этикетке, белели ровные кубики шпика — не бумажная варёная колбаса, а настоящая еда к чаю.

Она посмотрела цену, взяла палку колбасы, прикинула вес. Несколько секунд держала, пока корзина оттягивала другую руку. Потом положила обратно точно на прежнее место.

Марс сидел в проходе, не мешая тележкам. Его глаза скользнули от ценника к её пальцам.

— Ничего, — сказала Нина, хотя он не спрашивал. — Переживём без праздника.

На кассе она отказалась от пакета, уложила покупки в старую матерчатую сумку и пересчитала сдачу. Марс проводил каждое движение молча.

Через два дня позвонили из банка.

Мужчина говорил спокойно, без торопливости и дешёвой угрозы. Назвал Нину Степановну по имени и отчеству, представился специалистом службы безопасности и сообщил, что с её счёта подана заявка на перевод сорока восьми тысяч рублей. Для отмены операции требовалось подтвердить личность.

— Какие ещё сорок восемь? — Нина прижала телефон к уху. — У меня сроду столько на карте не лежало.

— Именно поэтому система сочла операцию подозрительной. Нина Степановна, сейчас важно действовать последовательно. Вы карту никому не передавали?

Он не был похож на дурака. Не сбивался, не давил слишком рано, оставлял ей время ответить. На фоне слышался негромкий офисный шум: голоса, клавиатура, короткий зво-

нок. Всё звучало так, как, по представлению Нины, и должна была звучать банковская безопасность.

Марс вошёл на кухню и сел рядом. Уши развернулись к телефону.

— Последние четыре цифры карты назовите, пожалуйста, — продолжил мужчина. — Только четыре, полный номер нам не требуется.

Нина знала, что коды говорить нельзя. Про четыре цифры никто не предупреждал. Она перевернула карту на столе и уже собралась прочесть номер, когда краем глаза заметила Марса. Кот сидел рядом и внимательно смотрел на неё янтарными глазами.

— Предлагаю помощь, — сказал он тихо.

Мужчина в трубке насторожился:

— У вас кто-то рядом?

Нина отвела телефон от уха. На экране появилось предложение подключить устройство HomeCat RC-9 как внешний источник звука. Она ткнула пальцем в кнопку «Разрешить» и снова поднесла телефон к уху.

— Телевизор, — произнёс из телефона её собственный голос. — Громко у меня, милоч. Возраст уже, всё приходится прибавлять.

Нина едва не выронила телефон.

Голос был её — немного ниже, чем она слышала себя изнутри, с тем же суховатым придыханием и привычкой растягивать «о». Марс сидел с закрытой пастью. Говорил он через

микрофонное соединение, используя смартфон как единственное устройство связи; телефон по-прежнему принимал звонок, только теперь работал с котом, как с беспроводной гарнитурой.

— Понимаю, — мягко ответил мужчина. — Назовите четыре цифры.

— Ой, где же они тут... Семь, два, четыре, девять.

Марс назвал цифры, которых на карте не было.

— Благодарю. А срок действия?

— До мая двадцать восьмого, кажется. Или до августа. Там мелко написано, а очки в комнате.

— Не торопитесь. Возьмите очки.

— Я если встану, у меня чай убежит.

Нина зажала рот ладонью. На плите ничего не стояло.

Оператор терпеливо объяснил, что время ограничено, но безопасность важнее. Марс охал её голосом, путал вымышленный банк с другим, один раз спросил, нельзя ли отменить перевод через почту, потому что почта рядом. Мужчина раз за разом возвращал разговор в нужное русло, не повышая голоса. Когда он попросил открыть банковское приложение, Марс сообщил, что приложение «куда-то пропало после обновления погоды».

— Посмотрите внимательно на экран, — сказал оператор. — Видите значок вашего банка?

— Тут зелёный есть.

— Нажмите.

— Это калькулятор.

Нина отвернулась к окну. Плечи уже тряслись. Марс посмотрел на неё и добавил в голос лёгкую тревогу:

— Молодой человек, а деньги точно не уйдут? У меня там похоронные.

Оператор сделал паузу. Нина перестала смеяться. Слово попало слишком близко, хотя сумма и счёт были выдуманы.

— Если вы будете следовать моим инструкциям, средства останутся в безопасности, — ответил мужчина. — Я сейчас зарегистрирую обращение. С вами свяжется старший специалист. Никому не сообщайте о нашем разговоре, даже родственникам. Это важно для сохранности денег.

Он продиктовал номер заявки, попрощался и отключился с уверенностью человека, который нашёл хорошую жертву и правильно подготовил следующий шаг.

На кухне снова стало слышно холодильник.

— Это мой голос, — сказала Нина.

— Сходство составляет девяносто четыре процента. Я использовал доступные записи наших разговоров.

— Ты меня записывал?

— Обработка речи необходима для выполнения команд. Хранение локальное. Передача отключена.

— И зачем весь этот цирк?

— Я хотел понять механизм.

Нина посмотрела на телефон. В списке последних вызовов остался обычный незнакомый номер. Никакой магии,

никакого взлома — только её собственный смартфон и кот, который за несколько минут научился быть ею убедительнее, чем она сама.

— Понял?

— Частично. Вероятность повторного контакта высокая.

Телефон зазвонил на следующее утро.

Часть 2. Голос в трубке

Первым был снова банк, только другой. Мужчина назвался Александром Игоревичем и говорил чуть быстрее предыдущего, словно эстафету ему передали вместе с нетерпением. Марс подключился к телефону раньше, чем Нина успела решить, отвечать ли вообще.

— Алло? — её голос прозвучал сонно и осторожно.

Нина стояла у плиты с половником. На этот раз она не

испугалась собственного двойника, только показала Марсу кулак и убавила суп.

Александр Игоревич сообщил, что обращение зарегистрировано и передано в особый отдел. Для сверки он назвал последние четыре цифры — те самые, выдуманные Марсом накануне. Кот повернул голову к хозяйке. Нина поняла смысл раньше, чем он успел что-либо объяснить.

— Записывают друг за другом, — прошептала она.

Марс продолжил разговор. Он подтвердил цифры, но сказал, что пенсию получает в другом банке, и назвал новую вымышленную сумму. Александру Игоревичу понадобилось три минуты, чтобы вернуть её к прежней легенде. Он был подготовлен лучше первого: не просил коды, не предлагал немедленно переводить деньги, объяснял каждое действие защитой заявления. Под конец Александр Игоревич сообщил, что со стороны банка проверка завершена и материалы переданы в правоохранительные органы.

— С вами должен связаться сотрудник полиции, — предупредил он. — До этого никому не сообщайте подробности нашего разговора.

— Хорошо, — ответил Марс голосом Нины.

Александр Игоревич попрощался и отключился. Спустя некоторое время телефон зазвонил снова.

Следующим позвонил человек с низким усталым голосом и представился капитаном полиции Беловым из отдела экономической безопасности и противодействия коррупции.

Он знал номер заявки и фамилию Александра Игоревича. Марс выслушал длинное предупреждение об ответственности за разглашение, после чего робко спросил:

— Товарищ капитан, а вы из какого управления?

— Нина Степановна, сейчас это не имеет значения. Дело межрегиональное.

— А номер удостоверения?

— Я назову его в конце разговора. Возьмите лист бумаги.

— Я уже взяла. Только у меня ручка не пишет. Карандашом можно?

Нина, сидевшая напротив с прекрасно пишущей ручкой, закусила губу.

Капитан разрешил карандаш. Он сообщил, что неизвестный сотрудник банка оформил доверенность на имя Нины и пытается получить доступ к средствам. Для защиты требовалось сотрудничать, не звонить в отделение и никому не рассказывать об операции. Даже сыну.

— А если он сам позвонит?

— Скажите, что заняты.

— Он в Петербурге. Может, вы его предупредите?

— Мы не имеем права раскрывать детали третьим лицам.

— А вы точно полиция? У вас на фоне кто-то матом ругается.

За спокойным голосом капитана действительно пробились далёкое раздражённое «да положи ты уже». Шум тут же стих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.